

УДК 93/94 : 338.43.02 “1920/1930”

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ В СССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг.

*Т.А. Мельникова, кандидат исторических наук,
первый проректор Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института*

В статье дан обзор реализации государственной аграрной программы Советского государства второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Подробно проанализировано изменение трудовых отношений в сельском хозяйстве, период нэпа. Рассмотрен процесс аграрных преобразований в стране, направленный на превращение крестьянской общины в часть государственной системы, а также политика государственной власти на селе.

Ключевые слова: деревня, аграрный сектор, крестьянство, община, крестьянский вопрос, НЭП, трудовые отношения, бюрократия, коллективизация.

В годы нэпа в сельском хозяйстве страны были достигнуты определенные положительные результаты, однако новая экономическая политика не решила всех проблем на селе. Темпы подъема сельского хозяйства в 1922–1925 гг. были впечатляющими. Но не следует забывать, что это были темпы восстановительного периода. В 1925 г. сельское хозяйство в основном достигло довоенного уровня, затем его рост приостановился.

В стране неоднократно возникали хлебозаготовительные кризисы, которые были связаны с малой товарностью сельского хозяйства, его низкой эффективностью и невысокой закупочной ценой на зерно. Во второй половине 1920-х гг. перед руководством страны встали задачи преобразования сельскохозяйственного производства. Из различных концепций его развития была выбрана коллективизация. Предполагалось, что коллективные хозяйства будут более эффективными и дадут необходимое количество товарного зерна и для жителей страны, и для нужд индустриализации.

Политика и практика коллективизации отвечали теоретическим представлениям Сталина о социализме. У многих членов партии, в том числе и у Сталина, было предубеждение против крестьянства. Марксистский тезис об идиотизме деревенской жизни, о «дурацком крестьянском хозяйственном укладе» [1, с. 71], о несовместимости социализма с мелким крестьянским хозяйством был использован Сталиным для обоснования коллективизации.

Коллективизация тесно связана с индустриализацией страны. Эти два процесса синхронизированы. Синхронизация объясняется тем, что для решения амбициозных задач в промышленности нужны были средства, которые и предполагалось изъять у крестьянства. Проще и легче это делать при создании коллективных хозяйств.

Следует заметить: многие члены партии, исходя из марксистского положения о преимуществе крупного хозяйства, искренне верили, что коллективизация сельского населения будет способствовать быстрому подъему сельскохозяйственного

производства, и переводу крестьянства на рельсы социализма, ломке его частнособственнической психологии. Они предполагали, что коллективизация поможет СССР быстрее преодолеть отсталость. Ради этого, считалось, можно идти на любые лишения (конечно, временные). Эти активисты брались за переустройство села «не за страх, а за совесть». И на них опиралось политическое руководство страны при осуществлении коллективизации.

В конце 1920-х гг., оказавшись в социально-экономическом тупике, власть решила сделать ставку на такую хозяйственную единицу, как колхозы. К началу 1928 г. на один колхоз в Московской губернии в среднем приходилось: 8–10 хозяйств; 9367,6 га посевной площади; 3 лошади; 7 коров; одна свинья и одна овца [2, с. 404]. Как известно, XV съезд ВКП (б) взял курс на всемерное кооперирование крестьянских хозяйств во всех существовавших в то время формах. Однако подмосковные уездные чиновники трактовали решения съезда по-своему: «Пятнадцатый съезд ВКП (б) признал единственным выходом из современного положения – переход на коллективизацию», хотя в действительности на съезде подчеркивалось, что индивидуальное крестьянское хозяйство еще длительный период будет основой сельскохозяйственного

производства [3]. Вместе с тем съезд поручил ЦК разработать мероприятия по предоставлению льгот колхозам, что было закреплено и местными подзаконными актами.

Так, в резолюции XVIII Тульской губернской конференции ВКП (б) было записано, что необходимо создавать наиболее благоприятные условия для коллективных форм хозяйствования путем улучшения их кредитования, снабжения орудиями труда, организацией переработки и сбыта их продукции [4, с.15]. Крестьяне проявляли интерес к предоставляемым льготам. Жители деревни Федотово Коломенского уезда Московской губернии на одном из собраний спрашивали: «Какая норма земли и инвентаря полагается сельскохозяйственным коллективам?». Председательствующий пояснил: «Таких норм не существует. Советская власть может отпустить земли неограниченно, глядя по коллективу, а также отпустить ту или иную ссуду на приобретение машин и прочего инвентаря». Ответ озадачил селян: «Ведь получается, что власть делит все не по закону, а по своему желанию». Однако часть крестьян заявили, что «хорошо бы колхоз организовать, раз государство так много даст» [5].

Развитие различных видов кооперации представим в таблице.

Таблица 1

Формы производственной кооперации 1928-1929 г.

Губернии	Коммуна	Артель	ТОЗ
Московская	22	190	255
Тверская	18	31	44
Тульская	22	76	142

Как видно из табл. 1, чаще всего образовывались не коммуны, которые обобществляли все, что нажил крестьянин, и даже не артели, обобществляющие землю, машины и скот. Наиболее распространенной формой были товарищества – наиболее примитивные и легко растор-

гаемые, при которых совместно организовывали закупки сложных сельскохозяйственных машин и рабочего скота [6, с. 214].

В 1927-1929 гг., при активной поддержке государства происходил резкий рост численности колхозов (табл. 2).

Таблица 2

Количество колхозов по губерниям 1927-1929 гг. [7, с.91]

Губернии	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Московская	331	585	647
Тверская	48	182	149
Тульская	72	171	394

Имущественное положение подмосковных колхозов в среднем было таким: «безлошадных вступило 34,2%, с одной лошастью – 64% и с 2 – меньше 1%. Имели 1 корову – 42%, две – 28%, бескоровных – 30%». Земельная площадь всех колхозов составляла 18 тыс. десятин, из них 10 тыс. десятин земли госземимущества и 8 тыс. – наделные земли. На один колхоз приходилось 76 десятин земли, из них 42 десятины – пахотной земли: «Плоховато обстоит дело с инвентарем. Нет общественных построек. Финансовое положение колхозов напряженное» [8].

В центральных губерниях средний колхоз состоял из 6–8 семей, или около 34 чел., из которых примерно 18 трудоспособных, 16 либо дети, либо нетрудоспособные [9, с. 14]. Оказание государственной помощи колхозам и льготное налогообложение были важнейшими причинами роста количества коллективных хозяйств в данный период. В 1929 г. на территории изучаемых губерний насчитывалось 1 190 колхозов. Это было в 2,6 раза больше, чем в 1927 г. В

колхозах власть стала видеть не производственную единицу, движимую хозяйственным расчетом, а носителя новой морали, нового нерыночного образа жизни.

Анализ архивных и иных материалов дает нам возможность предположить, что большинство создаваемых колхозов преследовали одну единственную цель – получение государственной помощи, которая затем делилась подворно, а сам колхоз фактически переставал существовать. Так, в Московской губернии в течение 1928 г. распалось около 80% колхозов [10].

По мнению А. Югова, «благодаря новому курсу даже те небольшие суммы, которые государство ассигнует на нужды сельского хозяйства, небольшие по сравнению с миллиардами, которые Советское государство получает у крестьян налогами, высокими ценами на промышленные изделия и инфляцией, идут в значительной части не на нужды всей массы крестьянства, а на утопические попытки искусственно, в кратчайший срок создать коллективные хозяйства» [11, с. 219].

Это понимали и партийные чиновники, разных уровней. На расширенном Пленуме Тульского окружного исполкома руководитель аграрного сектора Студенецкий так прокомментировал создавшуюся ситуацию: «Многие колхозы воображают, что государство существует для того, чтобы оказывать им помощь, а колхозы существуют только для того, чтобы принимать эту помощь, а сами они государству ничего давать не обязаны» [12, с. 13]. Значительная часть колхозов носила фиктивный характер, т.е. крестьяне использовали колхозную вывеску для получения необходимых им семян, орудий, льгот, кредитов. Несомненно, предоставление колхозам льгот в кредитовании, машиноснабжении и других сферах создавало благоприятные условия для развития колхозов и повышало интерес индивидуальных к колхозам.

Разумеется, были и колхозы, которые объединялись для совместной деятельности его членов, но и они распоряжались государственной помощью не всегда эффективно. Такая бездумная раздача кредитов, неэффективное использование государственной помощи, отталкивали индивидуальных от колхозов. С мест сообщали: «В лице крестьянства наши совхозы, колхозы и коммуны не имеют достаточного авторитета, а подчас имеют авторитет обратный» [13].

Несмотря на все оказываемые льготы, колхозы распадались, и их посевная площадь не только не возрастала, но и уменьшалась. Этому способствовало и то, что колхозы сдавали хлеб государству по нормированной цене, которая была значительно ниже рыночной. Следовательно, резкая переориентация государственной помощи колхозам в 1928–1929 гг. имела двойкий характер. С одной стороны, она способствовала росту колхозов, с другой

стороны, непродуманное распределение кредитов отталкивало крестьян от идеи производственной кооперации и тем самым тормозило возникновение коллективных хозяйств. Зажиточные крестьяне предупреждали своих односельчан: «Ничего у вас безлошадников в коллективе не выйдет, надо будет на чем-то работать, а у вас ничего нет. Власть вам семян даст, а лошадей не даст и вы, организовав коллектив, останетесь на бобах» [14].

Таким образом, любимое детище государства, пользовавшееся его безусловной поддержкой, не могло длительное время сосуществовать параллельно с индивидуальными хозяйствами, так как финансовые потоки в сфере производства все чаще регулировались не в пользу последних.

В целом курс большевиков на колхозы обострил недовольство крестьянских масс. Если до этого в привилегированном положении были бедняк и середняк, а врагом кулак, то со времени увлечения колхозами в загоне оказалось все индивидуальное хозяйство. Сталинский «год великого перелома» поставил точку в споре о том, кто кого: «Достижение партии, – писал Сталин, – состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов» [15].

О мифичности «великого перелома» свидетельствует широкий круг источников, в том числе и архивных. Так, из Воскресенского уезда Московской губернии в Президиум Моссовета сообщали, что при голосовании на собрании по проблеме коллективизации из 50 присутствующих против проголосовали 44, в том числе 16 середняков.

Из Подольского и Ленинского уезда той же губернии информировали об аналогичных фактах. В Московском уезде общее собрание не утвердило резолюцию о переходе к коллективному хозяйствованию [16].

Однако, опираясь на положения известной сталинской статьи, партийное руководство приступило к форсированию «революции сверху». Социально-экономическая эволюция деревни способствовала развитию естественных собственнических тенденций в среде крестьянства и тем самым вступала в принципиальное противоречие с искусственно насаждаемыми сверху коллективными формами производства. Это не могло не отразиться на внутреннем состоянии деревенского общества. Все то новое и в жизни, и в быте крестьянства, что мы привыкли связывать с событиями начала 1930 г., имело место и в 1927-1929 гг., причем отнюдь не в зародышевом состоянии, хотя масштабы событий в 1928 и 1930 гг. были различны. Складывающаяся критическая ситуация в аграрной сфере и намечавшиеся варианты ее преодоления стали прологом к первому акту деревенской трагедии.

Начался процесс свертывания нэпа, когда на смену расколотов деревне стали создавать новую общность, именуемую колхозным крестьянством. Репрессивные методы проведения аграрной политики способствовали внедрению государства в практику организации сельскохозяйственного производства, хотя, как считает Н.П. Носова, было бы существенной ошибкой представлять отношение большевиков к деревне в виде «некоего концептуального монолита» [17, с. 210]. Беззакония властей по отношению к крестьянству рождали сопротивление. В большинстве своём это были пассивные формы борьбы, такие как свертывание сельскохозяйственного производства, посылка

ходов в столицу с жалобами, утаивание хлеба, забой скота и т.п.

Факты конфронтации между властью и крестьянством нашли свое отражение в многочисленных информационных сводках, справках и докладах ОГПУ. Сводки о текущих событиях и настроениях на местах являлись базой всей системы информационных материалов ОГПУ, позволяющих власти «все знать», все держать под своим контролем. Начавшаяся осенью 1927 г. сталинская «революция сверху» привела к разработке специальных докладов «о классовой борьбе», «об антисоветской деятельности», «о кулацком сопротивлении» и т.п. [18, с. 8] Эти материалы анализировались Информационным отделом ЦК ВКП (б), который на их основе составлял развернутые обзоры о настроениях, господствующих в деревне, о формах и методах противодействия властям.

Факты свидетельствуют, что форсированная, насильственная коллективизация принесла неисчислимые беды крестьянству. Огромные потери его связаны с политикой «ликвидации кулачества как класса». Эта политика представляла собой один из самых трагических актов в истории страны.

Слово «раскулачивание» родилось еще в Гражданскую войну, когда комбеды производили насильственную экспроприацию средств производства у зажиточных крестьян. В годы нэпа на смену раскулачиванию пришла политика ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, которая проявлялась и в лишении избирательских прав, и в повышенном налоге на зажиточных крестьян. Кулаки не могли выступать учредителями кооперативов и избираться в состав их правлений. Но у них не отбирали средств производства. Кулаки имели право вступать в сельскохозяйственные кооперативы.

Вопрос о судьбе зажиточного крестьянства начинает коренным образом изменяться в конце 1920-х гг. в связи с введением чрезвычайных мер. Однако значительная часть руководящего слоя партии еще не склонна была поддерживать политику ликвидации кулачества как класса в сталинской интерпретации. Характерна в этом отношении дискуссия на XVI партконференции (апрель 1929 г.). Большинство делегатов конференции считали, что зажиточных крестьян (при условии сдачи ими всех средств производства и недопущения в руководящие органы) следует в колхоз принимать.

М.И. Калинин, выступавший с докладом «Пути подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка», заметил по этому вопросу: «Существо вопроса в чем? Допускается у нас кулачество в кооперативы? – Допускается. Вот принцип – решение партии, решение правительства» [19, с. 438].

Этот «партийный принцип» допущения кулаков в кооперативы прослеживается и в решениях государственных органов. Однако в этих же решениях четко проводится мысль, что кулаки не имеют права быть в числе учредителей или членов выборных органов и не должны использовать кооперативы в своих классовых интересах. Так, в Постановлении СНК от 28 декабря 1928 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами» отмечено, что «капиталистические (кулацкие) элементы в ряде случаев проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы, являющиеся орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности... По отношению к организациям большинство членов которых составляют трудящиеся и деятельность которых может быть выправлена, должны быть применены меры оздоровления, как то: пере-

выборы органов управления и ревизии... а в необходимых случаях – исключение из их состава капиталистических (кулацких) элементов. Те организации, которые не могут быть оздоровлены указанными мерами, подлежат безусловной ликвидации» [20, с. 241].

9 сентября 1929 г. ВЦИК и СНК принимает новое постановление, предусматривавшее уголовное наказание (в УК РСФСР вносится соответствующее дополнение) за учреждение и руководство деятельностью лжекооперативами. За такое преступление было установлено лишение свободы на срок до 5 лет со строгой изоляцией и конфискацией всего или части имущества.

Итак, вроде бы кулакам и дано право вступать в кооперативы, но с большими ограничениями. Но даже такие правила участия зажиточных крестьян в кооперативах были аннулированы с провозглашением политики сплошной коллективизации. В речи на конференции аграрников-марксистов Сталин говорит о «ликвидации кулачества как класса». Но как его ликвидировать? Сталин об этом не говорит. Но зато отвечает на другой вопрос (который ему кажется смешным) о том, можно ли принять кулака в колхоз. «Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения» [21, с. 325]. Куда же деваться кулакам? В колхоз – нельзя, самим вести хозяйство – нельзя. Чтобы до конца выяснить их судьбу, создали комиссию Политбюро под руководством Молотова.

30 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принимает Постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В нем раскулачиваемые делились на три категории. Первая («контрреволюционный актив») – участвующие в антисоветских и антиколхозных выступлениях, они подлежали аре-

сту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны. Вторая – «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступающие против коллективизации», их вместе с семьями выселяли в отдаленные районы страны. Третья – остальная часть кулаков расселялась в специальных поселках в пределах тех же административных районов. У всех кулаков конфисковывались средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и семенные запасы [22, с. 388].

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК принимают Постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», запрещающее аренду и применение наемного труда в единоличных хозяйствах. Постановление предоставило краевым (областным) исполкомам Советов и правительствам автономных республик применять все необходимые меры для борьбы с кулачеством [23].

Руководство страны понимало, что такие меры могут вызвать крестьянскую войну, и посему на полную мощь к ликвидации кулачества подключаются органы ОГПУ и армейские части. 30 января коллегией ОГПУ было созвано совещание всех ПП (полномочных представительств) ОГПУ, где подробно обсуждались вопросы операции по раскулачиванию [24, с. 71]. 2 февраля 1930 г. ОГПУ издает приказ, в котором предлагается ликвидировать «контрреволюционные образования и отдельных наиболее активных лиц» к началу развертывания кампании по выселению кулаков и их семейств. В приказе намечено определенное количество контрреволюционного кулацкого актива» («первой категории») для «изъятия» по регионам страны:

Украина – 15 000;
Северный Кавказ и Дагестан – 6 000;
Средняя Волга – 3 000;
ЦЧО – 3 000;
Нижняя Волга – 4 000;
Белоруссия – 4 000;
Урал – 4 000;
Сибирь – 5 000;
Казахстан – 5 000.

Арестованные по этой категории концентрировались в окружных и областных отделах ОГПУ. Дела на них рассматривались тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые были созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных должно было заключаться в лагеря. «В отношении наиболее злостного... актива...» применялся расстрел. Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к расстрелу, высылались в северные районы СССР. Для рассмотрения дел для лиц первой категории в ПП ОГПУ создавались тройки с представителями от крайкомов ВКП(б) и прокуратуры. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков второй категории и их семейств в округах (областях) и окрестностях ОГПУ создавались оперативные тройки во главе с начальником ОГПУ.

На случай возможных осложнений при ПП ОГПУ создавались маневренные группы из частей ОГПУ. Там, где «чекистско-военного резерва» было недостаточно, разрешалось использовать «в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных Особорганами ОГПУ частей Красной Армии». Для их проверки предлагалось «на время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности, обеспечить 100% просмотр писем, идущих в Красную Армию» [25]. Чтобы обеспечить политическую устойчивость армии при проведении

операции по кулачеству 2 февраля 1930 г. ОГПУ рассылает циркуляр «Об аресте красноармейцев и лиц начальствующего состава армии за связь с кулачеством и проведение антисоветской агитации».

В нем отмечалось: «Необходимо добиться... чтобы ни одного скрытого кулака в армии не осталось; ...семьи, члены коих служат в армии, выселяться не будут...; но это...отнюдь не означает, что выявление и быстрая чистка от кулацких элементов армии должна быть ослаблена... сперва надо удалить члена семьи... а потом лишь принимать те или другие репрессивные меры по отношению семьи» [26].

Красноармейцы, являвшиеся членами семей, подлежащих раскулачиванию, арестовывались, их дела направлялись в Особое Совещание, а на военнотружущих войск ОГПУ – в коллегия ОГПУ. Особое внимание обращалось на фильтрацию красноармейских отрядов, направляемых в деревню в виде скрытых резервов. 4 февраля 1930 г. за подписью Калинина, Рыкова и Енукидзе ЦИКам и СНК союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам была разослана секретная инструкция, согласно которой вся организация доставки и сама доставка кулаков в отдаленные местности возлагалась на ОГПУ.

В свою очередь, ОГПУ 20 февраля рассылает всем органам ОГПУ циркуляр «Об изъятии из городов кулаков, бежавших из районов раскулачивания», в котором предлагалось «принять меры всеми имеющимися средствами, в частности через осведомительную сеть, милицию, УГРО и др. к выявлению кулаков, оседающих в городах. Выявленных кулаков – арестовывать» [27].

Таким образом, зажиточному крестьянину скрыться (тем более с семьей) было практически невозможно. Партийно-

правовые документы узаконили массовое раскулачивание, которое полным ходом шло по стране, и определили главного исполнителя выселения крестьян – ОГПУ. У крестьян, подвергшихся раскулачиванию, экспроприировались земля, орудия труда, денежные средства, домашнее имущество. При отправке кулацким семьям разрешалось брать с собой «топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, по возможности хомуты и шлеи и продовольствие из расчета на два месяца, общим весом не более 25 пудов на семью» [28].

Для проработки вопроса об организации труда и жизни выселенных крестьян 1 апреля 1930 г. при СНК была создана специальная секретная комиссия под председательством Шмидта, которая приняла решение об образовании для расселения выселенных крестьян специальных поселков.

Весной 1931 г. в связи с новой волной раскулачивания была создана комиссия во главе с заместителем председателя СНК А.А. Андреевым, призванная рассматривать заявки хозяйственных органов на бесплатную рабочую силу крестьян. В составе комиссии главную роль играли сотрудники ОГПУ Ягода, Берман, Евдокимов и др.

О действиях этой комиссии дает представление протокол ее заседания от 18 марта 1931 г.:

«Постановили: Принять предложение т. Заковского о переселении в Северные районы Западного Сибкрая в течение мая-июня-июля 1931 г. 40 тыс. кулацких хозяйств. Выселяемые кулацкие хозяйства должны быть использованы для освоения черноземных массивов... а также в качестве рабочей силы для лесных разработок. Предложить Ягоде... предоставить на рассмотрение комиссии план переселения кулацких хозяйств Восточной Сибири, аналогичный плану Западной Сибири» [29].

«Принять общий контингент хозяйств в 1931 г. в Казахстан в размере 150 000 хозяйств... Вселяемые кулацкие хозяйства должны быть использованы в следующих основных направлениях: а) угольные разработки; б) медное дело; в) железная руда; г) железно-дорожное строительство; д) сельское хозяйство. Обязать ОГПУ направить не позже 15 апреля в районы вселения не менее 10 000 одиночек (глав семей) для использования их в деле подготовки условий (жилстроительство и прочие подготовительные работы) для приема остального контингента». 15 мая 1931 г. комиссия Андреева, рассмотрев вопрос «об организации управления и производственного использования спецпереселенцев», приняла решение: «Ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в содержании хозорганами – передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение. Предложить ОГПУ для этой цели организовать специальный аппарат управления при ОГПУ и краевых ПП (Сибирь, Урал, Севкрай и Казахстан)» [30].

В этом же решении комиссии были пересмотрены цифры переселяемых крестьян в некоторые районы страны. «Ввиду технической невозможности переселения 150 000 кулацких семейств в районы Казахстана» признано было в 1931 г. расселить «в районах Казахстана 60 000 семейств».

В то же время комиссия решила дополнительно «произвести в период с 25 мая по 10 июля вселение в северные районы Урала 50 000 семей спецпереселенцев для использования их на лесозаготовках (Ураллес)» [31].

Решение комиссии Андреева о передаче ОГПУ всех хозяйственных, админи-

стративных и организационных «забот» о спецпереселенцах было закреплено Постановлением СНК СССР «Об устройстве спецпереселенцев». Тем самым была создана правовая база для формирования спецпоселков, мало чем отличающихся от концлагерей, в которых жили ссыльные крестьянские семьи (спецпереселенцы). Приказом ОГПУ в составе ГУЛАГа 2 июня 1931 г. был образован отдел по спецпереселенцам [32].

Спецпоселки после их передачи в ведение ОГПУ напоминали лагерь. Административное управление ими осуществлялось специально назначенным комендантом, в подчинении которого было от 2 до 5 стрелков охраны. В некоторых местах для спецпереселенцев создавались штрафные команды и штрафные поселки в которых устанавливался лагерный режим. Для «штрафников» увеличивалась норма выработки, зарплата не выдавалась [33]. 2 апреля 1932 г. штрафные команды были ликвидированы. Административно наказуемых спецпереселенцев стали содержать в арестных помещениях, организуемых при поселковых комендатурах. Как правило, отбывающие административный арест спецпереселенцы днем работали, а ночью содержались под стражей. Спецпереселенцы, осужденные судами за бытовые преступления с содержанием под стражей до 3 лет, направлялись в исправительно-трудовые дома и по отбытии срока заключения вселялись обратно в спецпоселки. Осужденные на срок свыше 3 лет отправлялись в лагерь ОГПУ.

Положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Спецпоселки, как правило, размещались в необжитых, суровых местах. Жилища были примитивными: землянки, палатки, шалаши, в лучшем случае бараки. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось

большое количество документов, свидетельствующих о бедственном положении спецпереселенцев. Многие из них, веря в то, что по отношению к ним допущена ошибка, писали письма в адрес ВЦИК, Калинина. Эти сохранившиеся письма являются обличительными документами политики раскулачивания.

Вот только несколько выдержек из них: «Доводим до вашего сведения (Калинина), что большинство из нас и до настоящего времени не знает, как и за что выслан... Обращаются... со всеми нами... как со злейшими врагами Советского строя...». В другом письме к Калинину пишется о том, что спецпереселенцы «выгнаны не на жительство, а на живую муку, которую...еще не видели от сотворения мира» [34].

Естественно, спецпереселенцы пытались любыми путями вырваться из спецпоселков. Многие бежали. Только с 1932 по 1940 г. из «кулацкой ссылки» бежали 629 042 чел., а было возвращено из бегов за тот же период 235 120 чел. Для предотвращения побегов применялись суровые меры: вводилась круговая порука; в отношении задержанных применялись репрессивные меры вплоть до заключения в концлагерь и применения высшей меры наказания по постановлениям краевых областных троек [35].

3 июля 1931 г. ЦИК СССР принял Постановление «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» [36, с. 14], якобы направленное на восстановление справедливости в отношении высланных крестьян. В постановлении указывалось, что раскулаченные «восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса...». Однако это относилось лишь к тем, кто заслужил доверие коменданта спецпоселка,

которому было дано право «казнить и милловать» ссыльных крестьян.

27 мая 1934 г. в связи с приближающимся окончанием пятилетнего срока высылки кулаков из районов сплошной коллективизации ЦИК СССР постановил «восстановить в гражданских правах по истечении пяти лет со дня выселения, а проработавших в течение трех лет в золотой и платиновой промышленности – по истечении трех лет по представлениям полномочных представительств ОГПУ тех спецпереселенцев, которые выявили себя в местах новых поселений безусловно честной работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий Советской власти...» [37].

Во исполнение этого постановления ОГПУ предложило всем ПП ОГПУ не производить массового восстановления спецпереселенцев в гражданских правах, а делать это «в порядке... выявления лучшей, лояльной части спецпереселенцев».

Восстановление в гражданских правах не означало, что высланным крестьянам разрешалось возвращаться в родные края. Согласно Постановлению ЦИК СССР от 25 января 1935 г. им запрещался выезд с места поселения [38].

На основании этого постановления Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) постановило: «Высланным кулакам, восстановленным в гражданских правах, паспорта выдавать исключительно по месту расположения трудпоселенца...» Таким лицам нигде не разрешалось прописываться «кроме мест поселения». «При обнаружении этих лиц в других местностях, – значилось в приказе ГУРКМ, – задерживать их, как бежавших и направлять этапом к месту поселения».

Возвращались в спецпоселки (трудпоселки) и лица, которые отбыли срок наказания в лагерях и колониях. Те, кто ра-

нее был спецпоселенцем (трудпоселенцем), по отбытии срока наказания вновь оказывались в ссылке. Исключение составляли освобожденные «заключенные ударники». После отбытия срока наказания в лагерях им разрешалось возвращаться на родину. Освобождению из спецпоселков (трудпоселков) подлежали и члены их семей (жена, дети, отец, мать), «если данные члены семьи до отбывания

меры социальной защиты главой семьи находились на иждивении последнего» [39].

Таким образом, попавшие в спецпоселки (трудпоселки) крестьяне были обречены на бессрочную ссылку. И только лишь немногие из них возвращались домой. Но и после этого они могла в любое время отправиться в места «не столь отдаленные».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27.
2. Москва и Московская губерния: статистико-экономический справочник 1923/24–1927/28 гг. М., 1929.
3. ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 35об.
4. Бюллетень Тульского губернского комитета ВКП (б). 1928. № 7.
5. ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 32.
6. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы // НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991.
7. Сводная таблица составлена по материалам: Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927–1937). Рязань, 1971.
8. Московская деревня. 1927 г. 6 апр.
9. Тверской край. 1928. № 5.
10. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 31. Л. 272.
11. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы // НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991.
12. Бюллетень Тульского окрисполкома и горсовета. 1929. №17.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 265.
14. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 428. Л. 9.
15. Правда. 1929. 7 нояб.
16. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л. 9,11.
17. Носова Н.П. Деревня второй половины 20-х г. // НЭП: завершающая стадия / Соотношение экономики и политики. М., 1998.
18. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. М., 2000. Т.2: 1923–1929.
19. Шестнадцатая конференция ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1962.
20. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953.
21. Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1930.
22. Данилов В. Коллективизация... // Переписка на исторические темы. М., 1999.
23. СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 105.

24. Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 3.
25. Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.
26. Циркуляр ОГПУ «Об аресте красноармейцев и лиц начальствующего состава армии за связь с кулачеством и проведение антисоветской агитации» (02.02.1930 г.) // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 515. Л. 2–7.
27. Циркуляр ОГПУ «Об изъятии из городов кулаков, бежавших из районов раскулачивания» (20.02.1930 г.) // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 515. Л. 21.
28. Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 515. Л. 45.
29. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 2. Л. 1.
30. Там же. Л. 2.
31. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–11.
32. Там же. Л. 14–17.
33. Приказ ОГПУ № 330/198 от 02.06.31 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 2. Л. 19.
34. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 448. Л. 11.
35. Там же. Л. 72.
36. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2.
37. СЗ СССР. 1931. № 44. Ст. 298.
38. Циркуляр ОГПУ «О порядке восстановления спецпереселенцев в гражданских правах». (09.06.1934 г.) // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 130. Л. 56.
39. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 130. Л. 74.

IMPLEMENTATION OF THE STATE AGRARIAN PROGRAMME IN THE USSR OF THE SECOND HALF OF THE 1920s AND THE BEGINNING OF THE 1930s

*T.A. Melnikova, PhD in History, First Vice President
of the North Kuban Institute of Humanities and Tech-
nology*

The article presents the review of realization of the state agrarian programme of the Soviet state in the second half of the 1920s and the beginning of the 1930s. The change of labour relationship in agriculture, the period of the new economic policy have been analyzed in detail. The process of agrarian reforms in the country aimed at transformation of peasant community into a part of a state system as well as state policy concerning villages have been considered.

Keywords: village, agrarian sector, peasantry, community, peasant issue, New Economic Policy, labour relationship, bureaucracy, collectivization.